Куры[1]

Памяти Гильермо де Хесуса Кинтеро

Эти глупые птицы росли со мной во дворе.
Но прежде я вовсе не думал о каких-то курах.
Помню только почти незаметное их
присутствие в молчаливые летние вечера.
Потому что копался вместе с ними в земле
ради зёрнышек кукурузы, и таким же
зернистым солнцем наполнялись мои ладони.
В детстве я часто забирался на дерево,
руками махал и кудахтал от счастья—
словно наседка с тёплым яйцом, которое
позже становится просто белым.
О нет, это вовсе не те птицы, которых с нами
сравнивает Бодлер. Не соловей Китса,
«что не для Смерти рождён». Не говоря уже
о жаворонке Кессепа. Они не удостоились
ни одной из тринадцати способностей,
которые Уоллес Стивенс заметил у дроздов.
Ничего такого не было у моих кур.
Но они ходили со мной по одной земле,
подбирая клювами пустые чашечки звёзд.
И теперь они уже так далеки от былых
полётов, как и мы от песен о забытых полях.
С тех пор на рассвете ни разу с пути
не сбился одинокий пахарь.

Лошадь

Дальний свет—высоко!—тенью гуляет в небе.
И оно отдаётся слову, а слово—взгляду.
Под копытами лошади
подружилась трава с одиноким ветром.
Тени дали рассветной
оседают в лесу,
и, пока на заре щебетать начинают птицы,
впереди разгорается пламя,
чуть заметно трепещущий воздух.

Долго-долго тогда
по горам бродила
тишина недалёкого утра.

……

1. От автора: «Это стихотворение я посвятил моему деду. Он зарабатывал на жизнь, заботясь о ферме в моей родной деревне».

Крупное рогатое…

I.

Корова щиплет траву.
Её дыханье взметает
свет лунной пыли.

Трепещет музыка меж её ног
глубокими вздохами ветра.

Хвост, отгоняющий мух,
равномерно воздух гребёт…
И корова
плывёт, плывёт…

II.

Корова притягивает взгляд
огромными, широко раскрытыми глазами.
Медлительность, а не траву
перерабатывает
в тени своего терпения.

А я ощущаю землю,
соединённую ею с небом.

Гора—только воздух мысли,
где наполнено всё тишиной.

III.

Высоко на горе
одиноко пасётся корова.
В её неподвижной тени
глаза мои ищут приюта.

Таинственная корова детства
высоко на поляне, почти в облаках.

Капли этого света остаются
в моих ладонях.

С тех пор в каждом камне
открывается
новый горизонт.

С неба

Камень падает в пруд.
Полёт прерывается птицы.

Коза

Как Умберто Саба,
я говорил сегодня с козой.

Я был один.
И она — одна, на привязи на лугу.
Вокруг было много травы, и — под дождём —
её не мучила жажда.

Но она всё равно вопила так,
словно — по-дружески — изливала
в стихах
мою нестерпимую боль.
И что из того, что я это сказал,
когда она замолчала?

Боль — навсегда, говорит поэт.
И у неё только один голос.

Вот и я услышал свой голос
в вопле одинокой козы.

Корова

Смиренноглазая
зевает корова.
Трава накрыла её
с головою.

По спине её
цапля
ходит и ходит.

Сколько ждать тишине,
ветер сна не стихнет ли к ночи?
Не проснутся ли облака?

Пепел солнечный мой
обволакивает дремоту.

Встреча с голубкой в парке

Раненая, как я,
Только в другой среде.

С любовью камня

Птица смотрит на небо,
Спелёнутое водой.
Капля за каплей —
Разрывается полотно.

Маленькими глотками
Выпита высота.
Отражается ветер
Взглядом птицы в зенит.

Истомлённые жаждой,
Мерцают её глаза.

• • •

Крысы объели мои руки и мои губы.
Я утратил музыку в битве вод.
Как под землёй вспомнить песню неба,
если в памяти моль гнездится?
На моей переносице крысы мир сверлят
оглушающим взглядом. В тишине слышу,
как они растаскивают мои оторванные кости.

• • •

Я сам себе лошадь слепая и всадник: сам
себе — животное, попирающее грязными
ногами собственный рот и толкающее
обратно сгусток, которым высказаться хочу.
Эта неудержимая тварь топчет мне глаза,
смешивая свою мочу с моими слезами,
и я вынужден глотать это подобие браги,
чтобы только мир осчастливить.
Пью, не пьянея, — но как иначе тащить
на себе это чудовище, страх?..

Птицы

Молчаливый друг птиц,
Ветер трогает веки.

Разговор ветвей
Обретает корни.
Это пение листьев,
Настигнутых лаской ветра.

Если бросит земля кости шагов на ветер —
То возропщет лес на холмах поблёкших.

Взгляд посеешь —
Пожнёшь неизбежность мира.

День — во взгляде.
Вселенные сеет утро.

• • •

Ошалевшие от огня драконы
пропадают в твоём бреду.

Каждый принц вод был когда-то
затерянным островом.
А принцесса небес —
сладковатым клинком в устах.

Все за́мки заброшены.
Камни желают покоя.

Но для музыки слов остаются
крысы, поэт. Остаются — крысы.

Жуки

1.

Жуки всю ночь что-то упорно искали и встречают рассвет
кверху брюшками. Они, как тёмные камешки, разбросаны
на дороге, по которой, должно быть, уже прошли.
Их шуршание в темноте—как моё осознание сентября,
близко-близко к последнему берегу, где шумят в закоулках сны.
Все стремленья однажды заземляются пылью. Слух пропитан
дождём, как запутанной пряжи мокрый комок.

2.

Поднимая их с тротуара, я смотрел, как они перебирают
крепкими лапками, словно пытаются вновь соткать
разорванное полотно полёта, как пульсируют
в тщетных усилиях жилки беспомощных крыльев.
Открываю теперь окно, вдыхаю старый запах нового неба.
И бросаю на ветер мыслей горсть с насекомым внутри.

3.

Каждая ночь тенью заката остаётся в крови.
Приходит январское солнце, и жуки цепляются
уже только за землю, а не за память полёта.
Вот несчастье! Без крыльев—им приходится ползать.
Запылённый мой взгляд—лишь свидетель
проигранной битвы за царство свободы.

Моль

В тишине личинка моли работает по деревяшке.
А я работаю над своей неутомимой
страницей, голой и глубокой, как ночь.
Воображаю движения мелкого насекомого.
Каждое движение, полное темноты.
Это шорох одиночества, изъязвлённого речью?
Или так зудит неопределённость, постоянное
возбужденье того, у чего пока нет имени?
Вместе с моими немногочисленными словами
эти издержки звука—камешки на бумаге,
невесомые сокровища, найденные в подворотне.

• • •

Когда спит моя мать—большое усталое тело,—она похожа
на кита, выброшенного на пляж. Я тихонько смеюсь:
смотрю на неё—спящую, и мои глаза превращаются
в волны её океана, а мои руки—в песчаный берег.
Пока она спит, я думаю: не выбрасывается ли жизнь
на землю, как выбрасываются киты на сушу? И не
напрасно ли я пытаюсь теперь стащить её тело обратно
в воду, в которую она возвращаться уже не хочет?

• • •

Птицы клюют мою плоть.
Сидят на моих ладонях. Пьют воду глаз
моих, мой язык замолкает. И недоступна мне
радость, что я стал их насущной пищей.
Не в небесах моя слава. Она—другая.